

Любовь Новгородцева

Жемчужное ожерелье

Рассказ

16+

Любовь Новгородцева Жемчужное ожерелье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67631721

SelfPub; 2022

Аннотация

Это сумасшествие приключилось с ней пять лет назад. Ей было тридцать. Ладно бы пятнадцать или двадцать, но тридцать, когда уже двое детей, должность старшего научного сотрудника, репутация серьёзной, деловой женщины... Оно, сумасшествие, не спрашивало разрешения, просто случилось и всё, как случаются стихийные бедствия – неожиданно и неотвратимо... Тогда только-только наладились отношения с Кириллом, бывшим мужем, он наконец созрел для отцовства, попросился обратно в семью. Лиля, видя, как он старается загладить свою вину и как рады его возвращению мальчишки, согласилась дать ему второй шанс. Она даже успела почувствовать что-то похожее на счастье, и вдруг – катастрофа по фамилии Кротов...

Любовь Новгородцева

Жемчужное ожерелье

В конференц-зале библиотеки собралось много народа. От гула, стоявшего в помещении, у Лили заложило уши, словно она не в зал вошла, а нырнула в воду. Пробравшись в ряд к своим коллегам, музейным работникам, она села в синее кресло с бархатистой, приятно тёплой обивкой. В открытые окна с улицы затекал горячий воздух, но Лилию морозило, кожу рук и плеч облепили холодные мурашки. Стараясь выглядеть спокойной, она пробороздила по собравшимся взглядом: солидные люди из администрации города и отдела культуры, уважаемые старички из Совета ветеранов, местные газетчики, телевизионщики, директор музея Иван Васильевич – бравый, подтянутый, с аккуратной бородкой, ни за что не дашь ему шестидесяти... Того лица, которое она надеялась увидеть, не было.

Когда Лилию пригласили на презентацию книги по истории города, она сразу вспомнила про Кротова. Хотя «вспомнила» – не совсем верное слово. Чтобы вспомнить, надо сначала забыть, а она не забывала. Просто не думала о нём.

Виктор Кротов – один из авторов книги, бывший учитель географии, одержимый краеведением, и несчастная Лилина любовь. Чувства к нему давно угасли, осталось лишь горьковатое любопытство. Хотелось посмотреть трезвыми глаза-

ми на человека, из-за которого столько безответно страдала, понять, что нашла в нём особенного.

Это сумасшествие приключилось с ней пять лет назад. Ей было тридцать. Ладно бы пятнадцать или двадцать, но тридцать, когда уже двое детей, должность старшего научного сотрудника, репутация серьёзной, деловой женщины... Оно, сумасшествие, не спрашивало разрешения, просто случилось и всё, как случаются стихийные бедствия – неожиданно и неотвратимо... Тогда только-только наладились отношения с Кириллом, бывшим мужем, он наконец созрел для отцовства, попросился обратно в семью. Лиля, видя, как он старается загладить свою вину и как рады его возвращению мальчишки, согласилась дать ему второй шанс. Она даже успела почувствовать что-то похожее на счастье, и вдруг – катастрофа по фамилии Кротов...

Каждую встречу с ним, случайную и не случайную, каждый взгляд, каждое слово Лиля берегла в памяти, будто это были невиданной красоты и неведомой ценности жемчужинки. Бессонными ночами перебирала их, рассматривала, нанизывала одну к одной на воображаемую нить, а когда «жемчужинок» накопилось достаточно, сплела ожерелье и стала носить его не снимая. Ожерелье вело себя по-разному: то сияло, радужно переливаясь, так, что сердце замирало от его красоты, то раскалялось и жгло, и тогда Лиля не знала, куда деться от боли. Ложилась на диван, как истерзанная рабыня, и покорно ждала смерти...

...К микрофонам вышли ведущие, две сотрудницы библиотеки, и шум постепенно стих. Презентация началась. На сцену поднимались мэр, депутаты, директор отдела культуры, уважаемые старички... Лиля напряжённо слушала, но слова выступавших, будто пузырьки воздуха под водой, всплывали куда-то под потолок и исчезали там вместе с наполнявшим их смыслом.

Сидевшая рядом экскурсовод Анжела, молоденькая, недавно пришедшая в музей девушка, наклонилась к Лиле и что-то спросила. Вопрос Анжелы тоже ускользнул вверх.

– Что, прости?

– Это же он подарил музею коллекцию старинных вещей? – повторила девушка, протягивая буклет и указывая пальцем на портрет человека с бородкой. Буклеты бесплатно раздавали на входе, в сумочке у Лили лежал такой же.

Ей потребовалось время, чтобы вникнуть в суть вопроса, определить, в чьё лицо уткнулся розовый ноготь Анжелы, сообразить, о какой коллекции идёт речь. А когда ответ был выужен из памяти и взгляд возвратился от буклета к выступавшим, Лилю прострелила маленькая короткая молния: у микрофона стоял Кротов.

Нет, ничто не вспыхнуло. Укололо и разошлось спокойным, благодарным теплом: всё-таки приехал.

Первое, что Лиля принялась отыскивать в нём «трезвыми» глазами, – изменился ли. Про себя она знала, что изменилась. Длинные, выющиеся от природы каштановые волосы

она обрезала до плеч. В одежде стала отдавать предпочтение платьям, хотя раньше признавала только брюки. Возможно, и постарела немножко.

Кротов был абсолютно таким же, каким она его помнила: не располнел, не постарел, то же молодое, чисто выбритое лицо, та же стрижка с редкой, короткой чёлочкой, тот же мягкий голос, то же смущение не любящего находиться на публике человека. Даже его чёрный костюм и сиреневая рубашка, казалось, были теми же, что он носил, когда ещё жил в их городке и работал в школе.

Теперь Кротов занимал важную должность в отделе по развитию туризма в областной администрации. Лиля знала это по дошедшим до неё скудным слухам. Знала она и о том, что он женился. Первому искренне радовалась, второе её никак не трогало. Женатый или нет, желая того или нет, он всё равно был её прошлым. Он всё равно у неё был.

Она разглядывала его «по чуть-чуть», «порциями», не позволяла себе смотреть слишком пристально, опасаясь, как бы он не заметил на себе её взгляд. А когда он договорил и сел на своё место в первом ряду, исчезнув за плечами и головами других зрителей, стало вдруг жаль, что не заметил.

После презентации расходиться не спешили, толпились в холле, обменивались приветствиями. Караулили возможность переговорить с влиятельными гостями. Лиле не хотелось ни с кем разговаривать, но и уйти она не могла. Директор Иван Васильевич попросил задержаться, а сам исчез ку-

да-то вместе с чиновником из Министерства культуры. Лиля пряталась от всех за спиной методиста Лёши Пудова (за его спиной можно было прятаться, как за шкафом), изредка выглядывая. Если уж судьба так распорядилась, что ей велено остаться, то, может, она даст ещё один шанс увидеть Кротова? Самый последний. Самый крохотный. Увидеть – это же такая малость... Она посмотрит на Кротова ещё раз и больше ничего никогда не будет просить о нём у судьбы. Честное слово.

И вдруг Кротов как-то образовался перед ними. Лилины коллеги-музейщики с восторгом его окружили, осыпали вопросами, будто конфетти. Он всем улыбался, даже Анжеле, хоть и не был с ней знаком. Лилия осмелилась выдвинуться из-за «шкафа», встала с краю: может, и ей улыбнётся. А она ему. Заодно со всеми – это же ничего такого.

Кротов, весело жестикулируя, отвечал на вопросы, перешучивался с Лёшей Пудовым, человеком юмористического склада ума, как сам же его охарактеризовал, а Лилию почему-то не замечал, словно она была невидимой.

«Я для него пустое место, – вспомнила Лилия. – Нечему удивляться и нечего больше ждать. Всё, что могло сегодня исполниться, уже исполнилось».

– В музей-то зайдёшь к нам? – спросил Кротова Лёша.

В оттопыренном кармане кротовских брюк требовательно загудел телефон.

– Сегодня не получится, а завтра постараюсь, – Кротов

вынул телефон и, взглянув на экран, заторопился. – Пойду, а то меня потеряли, – невидящим взглядом он скользнул по Лиле и вдруг замер, вскинул взгляд обратно. Ей показалось даже, что она услышала, как он вскрикнул внутри себя.

«Что? – спросила она без слов, одними глазами. – Что ты так на меня смотришь?»

Он стоял и смотрел. Лиля видела: он рад бы пошевелиться, но не может. И все, наверное, видели.

«Что с тобой?» – растерялась она.

В его глазах не было ответа. В них не было ничего, кроме боли.

Но откуда – боль? Почему – боль? Разве она когда-то сделала ему больно? Наоборот, больно делал только он ей...

Наконец, Кротов смог взять себя в руки, кивнул Лиле и направился туда, где его потеряли.

Она думала, её чувство умерло, а то, что от него осталось – лишь конвульсии памяти, однако этих нескольких секунд, пока они с Кротовым смотрели друг на друга, хватило, чтобы любовь воскресла. Лиля обрадовалась ей, как радуются родному человеку, которого не видели много лет и не надеялись больше увидеть. Которому все обиды прощают за одно только то, что он жив. Радоваться своей мучительнице – глупо и неправильно, но происходившее с Лилей, не поддавалось разумным объяснениям. Могучая, великая сила подхватила её и понесла в какое-то иное пространство, где не существовало таких понятий, как правильно или неправильно.

но, хорошо или плохо. Там существовало только одно понятие и один закон. И ему было невозможно сопротивляться.

...Вечером Лиля села перебирать свои сокровища – жемчужинки. Нашла в ноутбуке старый дневник, который вела во времена сумасшествия, спрятанный в компьютерных папках вдесятеро надёжнее, чем Кощей прятал свою смерть. Записей в нём хватило бы на целую повесть. Многое из написанного тогда болезной женщиной с помутнённым рассудком теперешней Лиле виделось иначе, настолько иначе, что хотелось биться головой о стены от того, какие они с Кротовым были дураки.

Самой первой жемчужинкой стал день, когда Виктор Кротов, точнее Витёк, как пренебрежительно называли его школьники и родители, появился на пороге её квартиры.

– Здравствуйтесь, – сказал он, смущаясь. – Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Лилия тогда ещё не знала, что этот день окажется для неё особенным. Это потом она вспомнит о нём, отыщет в памяти, вплетёт в ожерелье. А тогда визит Витька возмутил: ему видите ли нужно! Заявился в выходной день прямо домой, как будто нельзя было прийти со своими вопросами на работу. Да и вообще с чего вдруг у него к ней возникли вопросы? Она почему-то решила, что речь пойдёт о школе и пятом «а», в котором учился её старший сын Ярослав. Недавно на

собрании вышедшие из терпения родительницы пятого «а» потребовали, чтобы новый учитель географии предстал перед их горящими праведным гневом очами и объяснил, за что наставил детям троек и двоек и почему задаёт на дом такие непосильно сложные задания, которые и родителям нелегко сделать, не говоря о пятиклассниках. Он пришёл, встал у доски, как провинившийся ученик, мямлил, что дети не знают элементарных вещей, что задания он задаёт в соответствии с образовательной программой, сам ничего специально не выдумывает.

«Ну и что это за учитель?» – думала Лиля, глядя на него, робеющего и невзрачного. Белобрысый, бесцветные ресницы и брови, голова вроде большая, но глаза, серые, со скошенными вниз уголками, нос картошкой и маленький рот будто собраны на лице в кучу... Ни симпатии, ни уважения она к нему не испытывала.

... Витёк топтался на коврике в прихожей, не решаясь ругаться. Видел, что Лиля ему не рада. Тербил в руках чёрную папку.

– Проходите, – негостеприимно буркнула она.

– Да нет, я быстро... – он вынул из папки листок, положил его сверху и, опершись о стену, приготовился писать на весу. – Ваша фамилия Кудряшова?

Лиля удивилась вопросу.

– Да.

– Может быть, вы знаете, был ли в вашем роду человек по

имени Степан Кудряшов?

Лиля как-то занималась изучением родословной, помогала Ярославу делать школьный проект. Но линия Кудряшовых её особо не интересовала, потому что эта фамилия досталась ей от мужа, в то время в семью ещё не вернувшегося.

– К сожалению, не знаю, – не испытывая ничего похожего на сожаление, металлически вежливо сказала она.

Витёк хоть и робел, но уходить не спешил.

– Может быть, вы хоть что-то касающееся Кудряшовых помните?

Лиля вспомнила несколько имён. Витёк записал. Странно, но ей почему-то понравилось смотреть, как он пишет, как скользит рука по листу, как держат ручку пальцы с широкими, аккуратно подстриженными ногтями.

Кто такой Степан Кудряшов и зачем он Витьку, она, научный сотрудник краеведческого музея, к своему стыду, даже не спросила. Позже узнала, что Витёк напал на след дочери купца Масленникова, которая с началом революционных событий куда-то исчезла. На антресолях доставшейся ему по наследству квартиры он нашёл два старых, загадочных письма, жёлтых, стёршихся на сгибах до дыр, написанных ещё дореформенным языком. В адресатах значилась неизвестная «милая сестрица», подписаны они были Дарьей Кудряшовой, но по упомянутым в письмах фактам Витёк предположил, что это и есть Дарья Масленникова, против воли отца сбежавшая замуж за простолюдина Степана.

Каким-то образом Витёк сдружился с директором и стал периодически наведываться в музей. Лиля удивлялась их дружбе: такой энергичный, волевой Иван Васильевич, всегда знающий конкретно, чего хочет и что для этого нужно сделать, – и ни рыба ни мясо Витёк.

Раиса Степановна, тоже научный сотрудник, с которой у Лили был один на двоих кабинет, их дружбы боялась. Ей казалось, Витёк метит на её место. Она была уже на пенсии, хоть по виду никто и не сказал бы: ухоженная, аккуратная, стройная, всегда намакияженная и наманикюренная. В тайне Лиля завидовала её умению ухаживать за собой и красиво одеваться.

– Иван Васильевич ведь не дурак, он никогда вас на этого географа не променяет! – успокаивала она Раису Степановну, но та словно помешалась на своих нафантазированных страхах, даже стареть начала, появились мешки под глазами.

Витёк стал для Раисы Степановны чем-то вроде объекта пристального изучения. Именно от неё Лиля узнала, что ему двадцать восемь лет, что он не женат и никогда не был, что родом он из их городка, но ещё ребёнком мать после развода с мужем увезла его в деревню к своим родителям. Там он вырос, перебрался в областной центр, выучился в педагогическом, однако в школе не работал, устроился менеджером в туристическую фирму. Здесь, в их городке, у него остались отец и бабушка. У отца больше не родилось детей, и сам он

умер рано. Витёк оказался единственным наследником бабушкиной квартиры, куда и перебрался прошедшим летом, перед началом учебного года. В школу идти работать не хотел, но ничего более подходящего для него не нашлось.

Иногда Лиля сталкивалась с ним в вестибюле или в коридоре музея, здоровалась и тут же забывала о его существовании. Вспоминала, когда Ярослав получал по географии плохую оценку, злилась, но, как только учебник захлопывался, снова забывала. Она забыла даже случай, когда Витёк сфотографировал её на телефон, – настолько он ничего для неё не значил. А потом тот случай стал второй найденной в тёмных закоулках памяти жемчужинкой, и, разглядывая её, Лиля недоумевала, как могла забыть, не придать этому значения!

Она тогда стояла в вестибюле и сквозь стекло пластиковой двери высматривала машину Кирилла, он должен был забрать её с работы. На улице шёл дождь, поэтому она ждала внутри. Ни шагов, ни звука камеры не услышала. Неосознанно почувствовав что-то, обернулась и увидела Витька и нацеленный на неё телефон.

– Это зачем? – возмущённо вытаращила глаза.

Он ничего не ответил. Нахально, как ей почему-то показалось, улыбнулся, вышел под дождь и исчез для неё во всех смыслах этого слова.

Третья жемчужинка появилась благодаря сломавшемуся

ключу. Рабочий день закончился, Лиля захлопнула дверь кабинета, и тут же вспомнила, что оставила на столе телефон. Вставила ключ в замок, торопливо повернула его, а тот вдруг застрял. Она поднажала, ключ сухо щёлкнул и обломился.

– Блин! – с досадой вырвалось у неё.

– Что случилось? – поинтересовался Иван Васильевич, закрывавший в тот момент свою, соседнюю, дверь.

– Вот, – Лилия растеряно протянула на ладошке отломившийся кругляшок ключа.

– Завтра вызовем мастера, – пообещал директор.

– У меня там телефон... – жалобно проронила она, почувствовав себя без гаджета такой беспомощной.

– Я могу попробовать открыть! – высунулся из-за спины директора Витёк. – Сейчас только инструменты из машины принесу!

– Ну попробуйте, – вяло разрешила Лилия. Она совсем не верила в Витька.

Он кинулся вниз по лестнице и вернулся с металлическим чемоданчиком, раскрыл его на полу, опустившись на одно колено. Лилия наблюдала, как Витёк ковыряется в замке, и снова поймала себя на мысли, что ей нравится смотреть на его руки. Вроде бы ничего особенного в них не было, обычные мужские руки: крепкие, с широкими ладошками, со средней длины пальцами, с бесцветными волосками на тыльной стороне ладони...

Через несколько минут замок был побеждён. А вместе с

ним и сердце Лили. Нет, она ещё не влюбилась, но из «ни рыбы ни мяса» Витёк возрос в её глазах почти до героя.

...А потом в музее проходила двухдневная региональная конференция, на которую съехались школьники и студенты с педагогами со всей области. Хлопот было много: встретить, приветить, разместить, накормить, провести культурную программу, затем основную, отжюрировать, наградить, проводить... Работы хватило всем, даже Витьку.

– Видишь, как старается? – расстраивалась Раиса Степановна. – Хочет шефу показать, что готов хоть бесплатно работать.

А Лиля была уже и не против, чтобы шеф взял его на работу. Раису Степановну жалко, конечно, но ведь она и в самом деле уже пенсионерка. Положено идти на пенсию – значит надо идти, уступать место молодым.

Лилю и Витьку, будто две лодочки, болтало, качало на волнах суеты и постоянно сталкивало друг с другом. Каждый раз, как он оказывался рядом, у неё что-то приятно замирало внутри, и она удивлялась самой себе: почему это он казался ей раньше некрасивым? Нормальное у него лицо, и ничего на нём в кучу не собрано, и нос не картошкой... Не успела она опомниться и поразмышлять над причинами такой разительной перемены, как они уже пили вместе чай, обсуждая работы участников и нарочно не соглашаясь друг с другом. Возникшая между ними игра в спор напоминала пинг-понг: с весёлым азартом они бросались друг в друга фразами и от-

бывали их. Чай закончился, а игра продолжалась. Они шли по коридору – и спорили, спускались по лестнице – и спорили. Лиля вдруг неуклюже споткнулась на ступеньках, Витёк тут же галантным движением подал ей руку. Лиля, преодолевая смущение, протянула ему свою... и, будто две лёгких лодочки, её и Кротова неотвратно повлекло, понесло течением куда-то в открытое море...

«Нельзя! Вернись! Это опасно! Будет больно!» – кричал с берега разум.

«Я согласна! – прощально махала ему опьяневшая от счастья Лиля. – Согласна на всё, что придётся вытерпеть потом, только бы сейчас это не заканчивалось!»

Присутствие Витька заряжало её энергией, оба дня она кружила по музею, будто заведённая, и только к концу второго почувствовала, как на самом деле устала. Ноги, привыкшие к балеткам, зверски гудели от каблуков.

Проводив последних участников, коллеги тут же, не удаляясь от выхода, собрали «экстренное совещание», решали, кого командировать в магазин, а Лиля села за пустующий столик регистрации. Витёк прохаживался вдоль окон, пытаясь напустить на себя равнодушный вид, но в его движениях проскальзывало что-то выжидательно-нервное, и Лиля догадывалась, что это из-за неё. Вдруг он оторвался от окон, быстро прошагал через коридор к столу, за которым она отдыхала. Решительно развернув спинкой вперёд стоявший у стола стул, сел, на пару мгновений вонзил в Лилю честный,

полный отчаяния взгляд и уронил голову на руки. Было в этом что-то похожее на то, как собака кладёт голову у ног хозяина. Лиля простонала внутри себя: так хотелось коснуться пальцами его волос, узнать, какие они на ощупь... Но, к счастью, она не до конца распрощалась с разумом: рядом люди, нельзя, чтобы они что-то заподозрили. Поэтому на её лицо напоззло недовольное выражение, дескать, разлётся тут, и руки крепко-накрепко скрестились на груди в замок. Она даже отодвинулась от стола подальше.

Сзади неслышно подошёл директор. Его рука по-отечески потрепала Лилю по плечу. Он всегда относился к ней теплее, благосклоннее, чем к остальным сотрудникам. Лиле было жутко неудобно из-за этого перед коллегами, но сейчас вниманию шефа она обрадовалась: поняла, что он хочет выручить её из неловкой ситуации.

– Устали, Виктор Михайлович? – спросил шеф с усмешкой.

– Есть немного, – глухо ответил Витёк, медленно поднял голову, зевнул в ладошки, потёр глаза, будто и правда его сморила усталость.

Лилия изо всех сил продолжала изображать на лице недовольство, а сердце в это время подпрыгивало от радостного предчувствия: что-то будет, обязательно будет!

То, что было потом, оказалось совсем не таким, как хотелось сердцу. Полтора года пустых надежд, глупых ожида-

ний, выворачивающей на изнанку тоски... Может, протяни она руку – и всё сложилось бы иначе. Ведь не голову тогда он принёс ей, всего себя принёс, а она, получается, отказалась. А может, дело в другом. Наверняка он поразмыслил о последствиях, понял, что не готов к ним, и передумал плыть с Лилей в открытый океан. Может, уже следующим утром он проснулся, стряхнул с себя наваждение и зажил спокойно. А она не смогла.

Кротов стал реже приходить в музей. Раиса Степановна торжествовала:

– Видно, дал ему шеф от ворот поворот!

– Угу, – соглашалась с ней страдающая Лиля. Каждый день без него казался прожитым впустую. А таких дней было много, очень много, и она порой недоумевала: что подогревает её чувства, что питает их, если ничего не происходит? Даже в те дни, когда судьба решала сжалиться над ней и подстраивала встречу, ничего толком не происходило. Обычно они с Кротовым сталкивались где-нибудь в коридоре, на секунду-две крепко прилипали друг к другу взглядами, затем с треском отдирали их друг от друга и расходились каждый в своём направлении.

Любовь отнимала все силы. Лилия барахталась в ней, тонула, захлёбывалась ею. Не могла выплыть. Не могла работать. Смотрела в монитор – и проваливалась в мысли о Кротове. Вытаскивала себя и проваливалась снова. Вытаскивала

и проваливалась. С утра до вечера.

Вечером приезжал Кирилл, вёз её полуживую домой. Она не хотела видеть Кирилла, не хотела домой, и если бы не Ярослав с Егоркой, два её якоря, то однажды точно вышла бы из музея с чёрного хода и убрела куда глаза глядят. Она жила тогда на одном материнском инстинкте, как на автопилоте. В полубессознательном состоянии покупала продукты, готовила еду, делала уроки с младшим, второклассником, помогала с географией старшему, гладила рубашки, чистила брюки... Разговаривала о чём-то с Кириллом, но не потому, что интересно было разговаривать, а потому, что так должно быть в семье. Улыбалась сыновьям и мужу, даже смеялась вместе с ними, однако видела и слышала их только наполовину, словно через толщу океанской воды.

Если бы Лилию спросили, она не смогла бы объяснить, зачем ей Кротов. Рушить семью, травмировать детей, однажды уже переживших уход отца и осчастливленных его возвращением, она не собиралась. Их семья напоминала судёнышко с залатанным днищем, но всё же это судёнышко bravо держалось на плаву, и рисковать им Лиля не имела права. Случись что – Кротов не справится с ролью капитана. А скорее всего даже не попытается им стать, струсит.

Она не знала, что стала бы она делать, если бы он вдруг пришёл и сказал: «Я не могу без тебя». Встречаться тайно? В их маленьком городке, где все всё видят и всё друг про друга

знают, это невозможно. Она прекрасно понимала: у них нет будущего, – но всё равно ждала, что он однажды придёт и скажет эти слова. Злилась на себя, ругала себя – и ждала.

Когда ожидание становилось невыносимым, Лиля начала делать глупости, за которые потом хотелось стореть от стыда. Вытаскивала у Ярослава из сумки спортивную форму или тетради с домашним заданием, а потом несла их ему, якобы забытые, в школу, угадывая аккуратно к уроку географии. Добывала жемчужинки. В самое последнее мгновение перед тем как заглянуть в класс, её охватывал ужас: а вдруг Кротов сейчас обо всём догадается? И она делала каменное лицо, всеми силами изображая равнодушие, отдавала Ярославу «забытую» вещь и стремительно уходила прочь.

Долго боролась с искушением написать Кротову. «Он же тебе не пишет! Хотел бы – давно бы уже написал! – убеждала себя и принималась сама с собой спорить: – А может он хочет, но боится? Так же, как я, боится ошибиться, оказаться в дурацком положении? Нет, ему ещё страшнее, чем мне, ведь я не свободна. Я должна как-то падать ему сигнал!»

В конце концов искушение победило, трусливое сообщение из одного слова «Привет!» было отправлено «на разведку». Лиля с перепугу захлопнула ноутбук и долго не могла нагнуться открыть его. «Дура! Дура! – ругала себя. – Стыдно-то как! Никогда больше не зайду в интернет!»

На душе стало немного спокойнее, когда придумала, как

выкрутиться: «Скажу, дети баловались».

Кротов ответил. Лилю словно кипятком ошпарило, когда она увидела, что её дожидается сообщение от него.

«Привет! Что нового в музее?» – интересовался он.

Это могло бы стать началом переписки, но тогда она так измучилась от переживаний и стыда, что хотела только одного: поскорее исправить содеянную глупость.

«Извини, это не я, это мальчишки», – исправив одну глупость, она тут же сотворила другую. Тоненькая, слабенькая, только-только образовавшаяся между ними ниточка лопнула. Лиля какое-то время ждала, не напишет ли он ещё что-нибудь. Потом поняла: ничего не напишет. Как писать, зная, что к её страничке имеет доступ вся семья?

Месяц тянулся за месяцем. Закончилась осень, прошла зима. Лиле нисколько не легчало. Она сетовала на то, что от любви до сих пор не изобрели лекарств, и пыталась «лечиться» советами психологов из интернета. «Настоящая любовь бескорытна, – говорилось там. – Не нужно путать её со страстью. Любящий настоящей любовью счастлив одним тем, что любит. Не любовь причиняет боль, а желание обладать».

Лиля впадала в отчаяние: «Красиво. Но покажите мне человека, который умеет любить правильно, не желая обладать, видеть, разговаривать, прикасаться...»

Как она жалела теперь, что не раздавила своё чувство к

Кротову в самом начале, когда ещё можно было с ним бороться! А сейчас оно разрослось, его корни опутали и душу, и тело, проникли в каждую клеточку, и пили, пили из Лили жизненные соки. По утрам ей казалось, что у неё не хватит сил встать, вечерами – что ослабевшие ноги не донесут её на второй этаж до квартиры. А любовь сидела в её сердце, как на троне, и повелевала: давай, делай что-нибудь! Придумывай что-нибудь!

И Лиля придумала проект «Наши современники». В ходе работы над ним предстояло взять интервью у заметных, активно участвующих в жизни города людей. Огромный проект, масса работы – и всё ради одного человека.

Директор не поддержал её идею.

– Неблагодарное дело. Ты представляешь, сколько будет обиженных и недовольных?

Но повелительница, оккупировавшая сердце, успокоила: ты можешь заниматься этим не как музейный работник, а просто так, в свободное от работы время. Это даже ещё и лучше, ни перед кем отчитываться не надо. Начать можно сразу с Кротова!

Список вопросов Лилия накидала легко. Приступить к следующему этапу – договориться о встрече – было сложнее. Страшнее. Повелительница хитро нашёптывала: разве обязательно договариваться? Можно прийти к нему домой, как сделал когда-то он, без предупреждения. Лучшего места, чем его квартира, не найти. Если интервью выйдет за преде-

лы интервью, никто не помешает, и то, о чём ты так давно мечтаешь, наконец-то случится.

«Нет, нет, – пугалась Лиля. – Я так не могу. Сначала нужно договориться».

Она представляла, как остановит Кротова, столкнувшись с ним в очередной раз в холле музея и пригласит в свой кабинет. Он зайдёт, слегка взволнованный, настороженный, она распишет ему в красках свою идею, отвергнутую шефом, попросит поддержать её и принять участие в проекте.

– Что я должен буду сделать? – полюбопытствует он.

– Ничего особенного, – скажет она. – Просто ответить на несколько вопросов. Я подъеду к тебе домой на выходных, если ты не против?

Он, разумеется, против не будет...

Наверное, для разнообразия судьба решила столкнуть их не в музее, а в библиотеке, в зале краеведческой литературы – в каком-то смысле на нейтральной территории. Они никогда не встречались там раньше, оба растерялись от неожиданности и словно застали друг друга врасплох, не успев надеть непроницаемые маски. Удивление в глазах Кротова сменилось радостью, и Лиля почувствовала, как её душа, словно цветочный бутон, тянется и распускается этой радости навстречу. Легко и естественно завязался разговор, как будто только вчера закончилась конференция, на которой их прибило друг к другу, как две лёгкие лодочки. Говорили обо

всём: о музее, о школе, книгах, наступившей наконец весне, начинающемся дожде за окном. Сбивчиво перескакивали с одного на другое, не отводя друг от друга пристальных взглядов, и их глаза, его серые и её зелёные, параллельно вели свою, важную, беседу, что-то спрашивая и что-то отвечая.

Из библиотеки вышли вместе. Мелкий дождик озорно щекотал изумрудные, недавно распутившиеся листики яблонь.

– Ты в музей? Поехали! – предложил Кротов.

Они добежали его до серебристой «Лады Гранты». Лиля села на приятно сухое сиденье, поправила намокшие, растрёпанные волосы, с наслаждением вдохнула мятно-перечный запах ароматизатора. Кротов завёл двигатель, и машина мягко сдвинулась с места, поплыла по улице мимо нарядных магазинов и серо-коричневых четырёхэтажек. Лилю переполняло торжество, совсем как в детстве, когда родители купили машину и отец первый раз прокатил её по городу, да ещё и на переднем сиденье.

– Смотрите, я еду на машине! – хотелось тогда кричать ей, высунувшись из окна. Казалось, все прохожие обзавидуются.

А сейчас хотелось кричать:

– Смотрите, я еду с ним! – и тоже казалось, что все идущие по тротуару девушки мечтают очутиться на её месте, в машине Кротова.

Невидимое никому, кроме Лили, ожерелье радужно переливалось на её блузке; по салону, как от светомузыки, кружились разноцветные блики. Повелительница на сердечном

троне млела от счастья.

– У меня к тебе есть деловое предложение, – осторожно начала Лиля подбираться к мечте об интервью.

– Какое? – поинтересовался Кротов, не поворачивая к ней головы, – сосредоточенно следил за дорогой.

Лиля рассказала ему о проекте. Говорить об этом, когда он не смотрит в глаза, было проще, потому что по сути она обманывала его. Не интервью ей вовсе хотелось, а оказаться вот в этих руках, которые так уверенно и в то же время мягко поворачивали руль, направляя машину к парковке около музея.

Кротов заглушил двигатель, откинулся на спинку сиденья. Лиля со страхом ждала ответа, догадываясь по затянувшемуся молчанию, что её деловое предложение не слишком его обрадовало. Проходившая мимо пожилая женщина с чёрным зонтом, уборщица из музея, с ожиданием посмотрела на них. «Почему она так смотрит?» – попыталась понять Лиля, но близость Кротова напрочь лишила её способности сообщать. Только потом до неё дошло, что нужно было просто поздороваться.

– Идея интересная, – сказал, наконец, Кротов. – Но при чём тут я? Я и года здесь ещё не прожил. Ничего особенного для города не сделал.

– Ну как, а дочка купца Масленникова? – возразила Лиля и зачем-то добавила: – И в школе работаешь, детей учишь. Разве это не для города?

– С дочкой Масленникова мне случайно повезло. Наследство, так сказать. А в школе... – он невесело усмехнулся. – Плохой из меня учитель. Дети не слушаются. Родители недовольны. И вообще... неудачник я, Лиля. Не нужно про меня писать.

– Ничего не случайно! – горячо заспорила Лиля, мысленно обругав себя идиоткой за то, что ляпнула про школу. – Другой бы выбросил эти письма, даже читать бы не стал. А ты целое историческое расследование провёл! А говоришь, ничего не сделал.

– Ну не знаю... – он чуть было не поддался её напору, но устоял на своём: – Нет. Не люблю я это всё. Извини.

Лиля так много думала об интервью с ним, столько раз представляла, как это будет, что оно стало для неё уже наполовину реальным. Отказа в её понимании просто не могло случиться, и она не услышала его. Мозг интерпретировал ответ Кротова как «я почти согласен». Ничего страшного, что не договорились сразу. Будет повод для разговора, когда судьба столкнёт их где-нибудь в следующий раз.

– Ладно, спасибо, что подвёз, – Лиля выпорхнула из машины и захлопнула дверцу. Ожидала, что Кротов сделает то же самое и они вместе пойдут в музей, но он улыбнулся, поднял руку, прощаясь, и резко рванул с места. Ему вовсе не нужно было в музей.

Дождь закончился, мокрые деревья весело отряхивались, приводили себя в порядок. Лиля медленно пошагала по уз-

кой аллее к музейному крыльцу, подставив лицо навстречу летящим брызгам, бережно неся себя, ошалело-счастливую, и новую жемчужину для ожерелья.

– Спасибо, Господи, спасибо! – чуть слышно слетали с её губ слова благодарности и устремлялись вверх к серому небу с голубыми просветами.

В начале июня Раиса Степановна сообщила между делом, что Кротов уехал на весь отпуск к матери. Надежда на скорое интервью рухнула и придавила Лилю обломками. Небо померкло. Жизнь потеряла смысл. Зачем вставать, собираться, выходить из дома, куда-то ехать, что-то делать, если знаешь стопроцентно, что не встретишь Кротова? Город опустел без него. Лиля не представляла, как сможет прожить в этой пустоте и бессмысленности целых пол-года.

Они не встречались неделями, не разговаривали месяцами, их связывало только то, что они жили в одно время и в одном городе. И вдруг эта единственная связь исчезла.

«Дотянула!» – мучительно задыхалась Лиля, как будто именно несостоявшееся интервью стало причиной того, что Кротов уехал.

Не вытерпела, написала ему:

«Помнишь, я говорила тебе о проекте? Можно скину вопросы прямо сюда?»

Он прочитал и ничего не ответил.

«Почему он молчит?» – гадала Лиля в лихорадочном ожи-

дании, пока до неё, наконец, не дошло: он не хочет принимать участие в проекте. Ему не нравится эта затея. Интервью не будет.

«А хочешь правду? – в отчаянии застучала она по клавиатуре. – Нет никакого проекта! Я просто хотела с тобой пообщаться».

«Ты уверена?» – спросил Кротов после небольшой заминки.

У Лили побежали ледяные мурашки по спине. «Готова ли ты к последствиям?» – послышалось ей в этом резковатом вопросе, и она поняла, что не готова и совсем не уверена, но ответила «да».

«Приеду – пообщаемся», – пообещал он.

Почему-то Лиля не могла представить, как начнётся общение, о котором они условились. Порой воображение рисовало совершенно фантастические картины, в которые вопреки здравому смыслу верилось, а тут оно отказывалось работать. Наверное, Кротов предложит где-нибудь встретиться? Только где им встречаться? Везде люди, везде глаза и уши. Сразу у него, что ли? Одно дело идти к мужчине домой под предлогом интервью и совсем другое – идти без всякого предлога, идти для того, чтобы... Этот вариант вызывал замешательство, но Лиля знала, что пойдёт, как бы это ни выглядело. Безголовая? Пусть. Легко доступная? Пусть. Она сделает это только раз, больше никаких встреч не позволит.

Но на одну встречу, одну-единственную, она имеет право. Она её выстрадала.

Лиля ждала, что Кротов как-то сообщит о себе, когда вернётся в город. Была уверена, что он ещё не приехал, и вдруг увидела его в супермаркете у полок с чаем и кофе, непривычно, не по-учительски одетого в футболку и спортивные брюки. Сердце среагировало раньше, чем разум, загредело радостными фанфарами. Ноги сами понесли Лилю к нему поближе, остановились в нескольких метрах, так чтобы он её заметил, но в то же время, чтобы это не выглядело навязыванием себя. Пусть первый подходит.

Кротов вопросительно взглянул на неё, трепещущую от волнения, словно деревце на ветру, взял с полки банку кофе и прошёл мимо.

Фанфары оборвались. В болезненной тишине включился разум: «Дура! Размечталась!» Лиля не хотела его слушать, пыталась придумать Кротову оправдание. В магазине много людей, нельзя, чтобы они что-то заподозрили. Она от радости потеряла голову и забыла об осторожности, а он не потерял и не забыл, и это хорошо, потому что у кого-то из них должна быть голова на плечах.

Весь день она ждала, что он напишет. Это казалось логичным. Поминутно проверяла, не пришло ли сообщение. Он не написал.

Вечером она сдалась. Да, дура. Да, размечталась. Ниче-

го не будет, ничего. Когда человеку нужен другой человек, он ищет возможности, придумывает способы увидеть, услышать, побыть рядом, а Кротов ничего не ищет, не делает никаких шагов, значит просто-напросто не нужно ему это! Сколько можно обманывать себя? Не любит он её! Пора это принять. Смириться. И начать выкорчёвывать из сердца это глупое чувство. Всё, налюбилась, хватит!

Лиля яростно принялась бороться с любовью, как садовод борется с гигантским сорняком на клумбе: тянула её из сердца за макушку, поливала отравой, рубила корни. Любовь отчаянно сопротивлялась – не желала покидать трон. Хитрила, притворялась поверженной, затихала на какое-то время, но мгновенно прирастала обратно, ещё крепче прежнего, стоило Кротову появиться в поле зрения Лили и метнуть в неё свой вопросительный взгляд.

Это были не взгляды, а копыта с зазубренными наконечниками.

«Зачем он так смотрит, бережит душу? Что хочет знать? – злилась Лиля. – Что я, идиотка, всё ещё сохну по нему? Хочет потешить своё самолюбие? А вот не дожждётся!»

Внутренняя война измотала её. Ожерелье, её сокровище, над каждой жемчужинкой которого она тряслась, будто одержимый коллекционер над редким экземпляром, тесным ошейником сдавило горло. Лиля задыхалась. Наверное,

от недостатка кислорода стали происходить пугающие вещи. Кротов мерещился всюду. На работе – в голосах и шагах за дверью кабинета, на улице – во встречных прохожих. Дома – в телевизоре. Она понимала, конечно, что на экране не Кротов, однако ведущий какой-нибудь программы или актёр в фильме вдруг оказывались так поразительно похожи на него, что она не могла оторваться от телевизора, гладила одурманенным взглядом лица с кротовскими чертами.

Иногда Лилю охватывала спонтанная уверенность, что она встретит Кротова, если пойдёт прогуляться в парк, забежит в библиотеку, в банк, на строительный рынок... Она спорила с собой, убеждала себя, что это чушь, и даже если не чушь, то после встречи ей станет только хуже, но не могла справиться с собой, словно мать с отбившейся от рук дочерью. «Мне надоел один и тот же маршрут «дом – работа – дом»! – сопротивлялась та её половина, которая была «дочерью». – Я давно ничего не читала! Надо присмотреть обои в прихожую!»

Ни разу после таких приступов уверенности Кротов ей не встретился.

В выходные Лиля из музейного работника перевоплощалась в повара-кондитера. «Сегодня придёт Кротов!» – внезапным сообщением тренькало в голове, и следом прилетало кулинарное вдохновение. Она пыталась себя образумить, дескать, глупости, не придёт. Сама же себе возражала: почему глупости, в жизни возможно всё – и кидалась к кулинар-

ным сайтам в поисках интересного рецепта. Потом бежала в магазин, замешивала тесто, мечтая, что в этот раз не позволит Кротову стоять в пороге, обязательно затащит на кухню, как бы он ни отказывался... Как отреагирует Кирилл? А почему он должен как-то реагировать? Подумаешь, зайдёт коллега-краевед обсудить срочный вопрос, и они обсудят его за чашкой чая. Что тут такого?

Кротов, конечно же, не приходил. Когда за окнами темно, Лиля трезвела и ужасалась тому, что с ней происходит. Это было похоже на зачатки сумасшествия.

В один из таких воскресных вечеров, когда Кротов опять не пришёл, Лиля, не зная, куда себя деть, зашла в комнату мальчишек и заметила, что Ярослав, теперь уже шестиклассник, не положил в сумку учебник географии.

– Ты географию забыл взять, – сказала она ему.

– А её не будет, – лениво отозвался сын, тыкая пальцем в экран смартфона.

– Почему?

– Витёк уволился.

– Как уволился? – опешила Лиля.

– Уволился и уехал.

– Куда?

Ярослав пожал плечами.

– Обратно, наверное.

Ошарашенная Лиля неуклюже, будто на протезах, доплелась до кухни, опустилась на табурет. Усмехнулась творож-

ным кексам на тарелке: вот так значит, уехал... И тут у неё внутри что-то рухнуло, обвалилось: наверное, дамба самообладания, которую она полтора года упорно строила и укрепляла в себе. Наружу, больше ничем не сдерживаемые, хлынули слёзы. Лиля вытирала их кухонным полотенцем, смывала в раковину, а они бежали и бежали, как кровь из неперевязанной раны... Это та её неуправляемая половина, которая была «дочерью», оплакивала свою несбывшуюся любовь. А та, что была «матерью», мудро, с облегчением вздыхала: «Уехал – ну и пусть! Это к лучшему».

Лиля дочитала дневник в половине третьего ночи. Спать не хотелось. Осторожно, чтобы не разбудить Кирилла, нырнула за портьеру, вышла на балкон. Городок сонно мигал фонарями и редкими рекламными вывесками. Из тёмного беззвёздного неба, как из кондиционера, тянуло прохладой.

– Какие мы с ним были дураки! – прошептала Лиля небу.

Теперь ей всё стало ясно: и откуда взялась боль в глазах Кротова сегодня, и о чём были его вопросительные взгляды тогда, и как глупо было ждать о него каких-то действий, старательно изображая равнодушие при каждой встрече. «Ты, кажется, хотела пообщаться?» – спрашивал он. «Ничего я от тебя не хотела!» – каждый раз отталкивала она.

Он, конечно, тоже хорош. Мог бы быть посмелее, не ждать от неё следующего шага, а сделать его сам. Мужчина он, в

конце концов, или кто? Впрочем... это были бы шаги в пропасть.

– Господи... Вселенная... – Лиля запустила пальцы, будто гребни, в свои волосы, стянула их на затылке. – Вселенная и все боги, какие только есть... Пожалуйста, позвольте мне увидеть его ещё раз, теперь точно самый последний раз! Просто увидеть! Пусть он придёт завтра в музей! Он же говорил, что постарается...

Поспать ей удалось часа три, не больше. В голове стоял туман, то ли от недосыпания, то ли от воскресших чувств. Лиля не могла думать о работе, её то и дело тянуло к окну, посмотреть, не идёт ли Кротов. Аллея, ведущая к музею, была тоскливо-пуста, словно её заколдовали.

– Лиля Алексеевна! – заглянула в кабинет новенькая сотрудница Анжела. – Там выставку народных умельцев оформили! Вас зовут!

Лиля спустилась с Анжелой на первый этаж в выставочный зал, неторопливо прошлась вдоль витрин с экспонатами, делая вид, что её заинтересовали плетёные из бересты шкатулки, глиняные фигурки, раскрашенная под хохлому и городецкую роспись деревянная посуда, вышитые шёлком картины. Это всё было красиво и удивительно, но не сегодня.

Раиса Степановна тоже спустилась посмотреть выставку. Лёша Пудов, за которым можно было прятаться, как за шкафом, наклонялся к витринам и близоруко щурился. Иван Ва-

Сильевич похаживал, заложив руки в карманы брюк, у стены с объёмными картинами из кожи.

Боковым зрением Лиля уловила какое-то движение за окном, и в следующую секунду её бросило в жар: Кротов поднимался на крыльцо.

Она заметалась, не зная куда встать, с ужасом понимая, что сейчас выдаст себя с потрохами.

– Ой, мне же должны позвонить из Комитета культуры! – выпалила первое, что пришло в голову, и кинулась прочь из зала.

Кротов уже был в холле. Он собирался подняться на второй этаж, но, увидев Лилю, замер у подножья лестницы.

«Ты!» – прочитала Лиля в его восторженно-нежном взгляде – и пол под ногами исчез, она пошла, кажется, прямо по воздуху, даже не пошла, а какой-то воздушный поток подхватил и перенёс её, трепещущую от страха и счастья, туда, где стоял Кротов.

– Привет! – одновременно выдохнули они.

Надо было говорить что-то ещё, и он спросил после секундной заминки:

– А Иван Васильевич...?

– Он там, – кивнула Лиля в сторону выставочного зала и стала подниматься по лестнице на отяжелевших ногах, чувствуя за спиной шлейф кротовского взгляда...

В кабинете она перевела дух, трясущимися руками взяла со стола смартфон, проверила, не было ли пропущенных

звонков, как будто ей в самом деле должны были звонить из Комитета культуры. И вдруг испуганно спохватилась: что если он уйдёт, пока она здесь прячется?

...Кротов лихорадочно наматывал круги по выставочному залу: от картин из кожи к берестяным поделкам, от поделок к расписной под хохлому кухонной утвари, и было понятно: толком он ни на что не смотрит, хоть и пытается с поддельной заинтересованностью что-то комментировать.

Так он болтался среди экспонатов, пока его не примагнитило к Лиле, прислонившейся плечом к дверному косяку. Она поковыряла взглядом пуговицу на его сиреневой рубашке, чувствуя, как внутри растёт паника: он сейчас уйдёт и всё, надо как-то его задержать, что-то сказать...

– Виктор Михайлович...

– Да? – с готовностью отозвался он, словно только и ждал её внимания.

– Можно задать вам один вопрос? – Лиля сделала несколько шагов назад, в холл, и Кротов послушно двинулся за ней, как привязанный. – А теперь вы согласились бы принять участие в моём проекте?

Она не знала, почему обращается к нему на «вы», почему ляпнула именно про проект, и только когда ляпнула, поняла, как двусмысленно это прозвучало.

Кротов заметил смущение Лили, улыбнулся, но его взгляд при этом остался серьёзным:

– Смотря в каком смысле.

Больше они ничего не успели друг другу сказать. Из зала в холл вышел директор, а за ним с любопытством высыпали остальные.

Кротов, чего так боялась Лиля, стал прощаться.

– Когда уезжаешь? – поинтересовался шеф, пожимая ему руку.

– Завтра.

«Уже завтра?» – у Лили внутри что-то оборвалось.

Кротов посмотрел на неё, как всегда смотрел раньше, долго и внимательно, словно спрашивал о чём-то, не дающем ему покоя.

Лиля едва заметно, почти одними ресницами, кивнула. Она больше не хотела прятать от него свои чувства. Пусть знает.

Завтра было выходным днём. Кирилл и мальчишки уехали на рыбалку. Лиля в одиночестве слонялась по квартире, не зная, куда себя деть, взывая с мольбами ещё об одной последней-препоследней встрече с Кротовым к Вселенной и всем богам. Единственное, на что она была способна, – молиться и мечтать. Представляла, как раздастся звонок в дверь, в прихожую войдёт Кротов и скажет: «Что ты там вчера говорила о проекте?» Или пропиликает другой звонок – телефонный, и голос Кротова позовёт: «Ты ещё хочешь взять у меня интервью?»

Когда звонок в дверь раздался на самом деле, Лиля строго осадил забарабанившее сердце: «Успокойся! Это не он! Это кто угодно, только не он! Понятно тебе?»

Собравшись с духом, открыла замок. За дверью стоял Кротов. Держал в руке плотно набитый чёрный портфель.

Она попятилась, не сводя с гостя ошалелых глаз.

– Я на минутку, – оправдываясь, сказал он и бросил напряжённый взгляд ей за спину.

Лиля разгадала его беспокойство:

– Проходи, разувайся. Я одна. Как раз собиралась кофе пить. Составишь компанию?

– Нет, спасибо, – смутился он. – Меня такси ждёт, автобус скоро... Я вот... – он открыл портфель и достал книгу, ту самую, на презентацию которой приезжал. – Хотел подарить тебе... Надо было вчера в музей взять, да не подумал что-то...

Лиля улыбнулась протянутому подарку, взяла, положила на тумбочку. Понимала, книга – всего лишь повод.

– Рад был тебя увидеть, – голос Кротова дрогнул. – Очень.

– Я тоже, – призналась Лиля, и какая-то сила, похожая на отчаянно-резкий порыв ветра, вдруг сдвинула её с места, подтолкнула к нему.

Портфель глухо упал на коврик в прихожей.

Лиля почувствовала щекой мягкую, чисто выбритую щеку Кротова, – о, как она мечтала об этом прикосновении! – губы, на мгновение вопросительно замершие у её губ, – и как

её уносит в какое-то иное пространство, где нет таких понятий, как «хорошо» или «плохо», а есть только одно понятие и один закон... Потом снова мягкая щека и шёпот, запутавшийся в кудрях над ухом:

– Прости меня.

Лиля помотала головой, не понимая, за что он просит прощения. Всё наконец-то сбылось, они вместе, и впереди будут ещё встречи, будет переписка...

– Прости меня, слышишь? – повторил он, но до пребывающих в ином пространстве докричаться не так-то легко...

...Она проводила такси взглядом из окна. Легла на диван. Пребывающим в ином пространстве не так-то легко возвращаться на Землю. Чудовищные перегрузки. Блаженство, сменяющееся отчаяньем. Опьянение – мучительным похмельем... Конечно же, ничего не будет: ни встреч, ни переписки. И не надо, чтобы было. Раньше только у неё имелся корабль, которым нельзя рисковать. Теперь и у него есть тоже есть такой корабль.

Как же она не поняла сразу, что это конец, а не начало?

До самого вечера Лиля перебирала жемчужинки.

...Вот Кротов нерешительно мнётся на пороге, напуганный её враждебностью...

...А вот они уже пьют вместе чай в подсобке музея, переоборудованной в маленькую, уютную кухню. Там даже холо-

дильник есть.

– Конфет не осталось, да? – спрашивает она, заглядывая в пустую вазочку.

Кротов принимается искать для неё конфеты, открывает холодильник, она фыркает.

– А что? – невозмутимо поворачивается он к ней. – У меня дома конфеты в холодильнике лежат...

... Вот она спотыкается на лестнице. Кротов подаёт ей руку. Она кладёт пальцы на его горячую ладонь, он легонько сжимает их и смотрит на неё, ждёт ответного взгляда...

... Вот она заходит в кабинет географии, чтобы отдать Ярославу тетрадь, выкраденную накануне из школьного рюкзака. Кротов стоит около учительского стола. Она небрежно кивает ему, демонстрируя всем своим видом: «Даже и не надейся, ты мне несколько не интересен!»

... А вот уже он холодно кивает ей в магазине и равнодушно проходит мимо с банкой кофе в руках...

... Вот он вскидывает на неё полный боли взгляд... А потом другой взгляд, от которого она вдруг обретает способность ходить по воздуху...

... И вот он снова на пороге её квартиры, целует, шепчет «прости», подбирает упавший портфель... Говорит, что ему пора, но почему-то не уходит, как будто ждёт, чтобы она разрешила. И она отпускает, даже подталкивает:

– Иди...

Пиликнул телефон. Пришло сообщение. Сердце затрепыхалось, как пойманная бабочка в ладонях. «Сиди тихо! – мысленно прикрикнула на него Лиля. – Это не он!»

Это действительно был не он.

«Мы едем домой. Что-нибудь надо в магазине?» – спрашивал Кирилл.

Лиля заставила себя подняться. Умылась. Открыла окна: казалось, в квартире до сих пор пахнет Кротовым, и сыновья с мужем почувствуют это.

Полистала подаренную книгу в глупой надежде, что Кротов оставил там для неё записку, ничего не нашла. Прижалась губами к прохладному глянцу обложки, постояла так какое-то время, потом втиснула книгу в строй других книг на полке, чтобы не бросалась в глаза.

Силы иссякли. Лиля хотела дойти до холодильника и проверить, есть в морозилке пельмени, но не смогла. Снова легла на диван, будто на плот, дрейфующий в открытом море.

Ничего, она знала, что не погибнет. Продержаться осталось совсем чуть-чуть. Скоро придёт спасительный корабль с голодными рыбаками, и её поднимут на борт.